

ПРОЕКТ РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА: НЕЗАВЁРШЕННАЯ СБОРКА

Родион Рафаэльевич Карнеев

МГУ им. М.В. Ломоносова; Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
rkarneev@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-9724-7680>

Аннотация. В данной статье прослеживается формирование концепта субъекта, начиная с его концептуализации классической новоевропейской философией, вплоть до современного состояния концептуализации субъекта — реконцептуализации. Соответственно, выделяются три проекта формирования концепта субъекта. Первый — концептуализация субъекта, предпринятая классической философией от Декарта до Гегеля включительно. Концепт субъекта предполагался транспарентным и действующим началом по отношению к пассивному объекту, в пределе могущему элиминировать все субъективные качества. Второй — деконцептуализация субъекта,

т.е. критика классической концепции субъекта, нахождение определённых объективных сил, действующих на субъекта и сводящих его субъектность к объективности. Такими силами могут быть, например власть, язык, бессознательное, общество и т.д. И наконец реконцептуализация субъекта: переосмысление классического концепта субъекта, учитывая критику, предпринятую проектом деконцептуализации. На примерах концепций М. Фуко, П. Бурдьё, Л. Альтюссера и Дж. Батлер показан процесс формирования субъекта как зависимого от власти и властного зова, являющегося условием и возможностью формирования субъекта. Соответственно, власть обращается к отсутствию субъекта как к уже сформированному субъекту, тем самым субъективируя его и привнося субъектность в ещё несформированный субъект. В связи с этим возникает вопрос: когда субъект становится субъектом? Что предшествует субъекту? Обоснован тезис, согласно которому субъект формируется в пустоте, потому что до субъекта ничего не было, а после — формируется сам субъект. Для этого автор обращается к концепции разрыва А. Бадью и С. Жижека, для которых принципиально важным оказывается внезапный переход от одного бытийного статуса к другому посредством разрыва.

Ключевые слова: субъективность, реконцептуализация субъекта, дуализм субъективности и объективности, философия субъективности, Бадью, Жижек, власть, дискурс власти

Для цитирования: Карнеев Р.Р. Проект реконцептуализации субъекта: незавершённая сборка // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 7–19. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-7-19>

THE PROJECT OF THE RECONCEPTUALISATION OF THE SUBJECT: INCOMPLETE ASSEMBLY

Rodion R. Karneev

Lomonosov Moscow State University; Moscow City University, Moscow, Russia

rkarneev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9724-7680>

Abstract. The author attempts to trace the formation of the concept of the subject, beginning with its conceptualization in classical philosophy up to its current state, i.e. reconceptualization. There are three projects of conceptualization of the subject in Western philosophy. The first one has to do with the conceptualization of the subject in classical philosophy from Descartes to Hegel. The concept of the subject was conceived as transparent and operative in regard to a passive object which can eliminate all subjective qualities. The second project is devoted to the deconceptualization of the subject that means the critique of the classical concept of the subject, the discovery of objective forces, such as power, language, the unconscious, society, which impact the subject and reduce its subjectivity to objectivity. The third one is about the reconceptualization of the subject: rethinking of the classical concept of the subject, given the critique undertaken within the deconceptualization project. The project of subject reconceptualization deals with a paradoxical situation: despite the objective determination of the subject, the subject remains the subject not reducible to an object. The subject appears non-substantial and non-transparent, disconnected, historical and temporal. The contemporary conception of the subject is constructed in such a way that the subject is never the subject yet, but always presupposes a future subject capable of freely choosing its subjectivity from a multitude of contradictory options. The article suggests a new perspective on the subject, which is seen not only as a human actor, but also as a complex of various objects that behave as subjects, that is, can make objects of themselves. The article shows that before the *Cartesian moment* the concept of the subject did not exist but was explicitly assumed. Referring to the concept of Foucault, Bourdieu, Althusser and Butler, the author shows the process of the formation of the subject as dependable on power, which is a condition and a possibility for subject to form. Therefore, power addresses to the absent subject as an already formed subject, thereby shaping it and bringing subjectivity into the currently forming subject. The following questions are thus raised: when does the subject become the subject? What precedes the subject? The author attempts to demonstrate that the subject is formed, in a void, since there was nothing before the subject, and it is the subject itself that is eventually formed.

Keywords: subjectivity, concept of subject, philosophy of subjectivity, Badiou, Žižek, subject/object dualism, discourse of power

For citation: Karneev, R. R. (2022) 'The Project of the Reconceptualization of the Subject: Incomplete Assembly', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(1), pp. 7–19. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-7-19>

Концепт субъекта с момента появления¹ и вплоть до сегодняшних дней [Puumeister, 2019; Subjectivity Is No Object..., 2018; Негарестани, 2021] оказыва-

ется одним из ключевых концептов западноевропейской философии, вокруг которого разворачиваются непрекращающиеся баталии. Можно утверждать, что любая фи-

¹ В данном случае мы будем следовать за Фуко и назовём период появления концепта субъекта «картезианским моментом» [Фуко, 2007: 26–29].

лософия, начиная с эпохи Нового времени, эксплицитным или имплицитным образом ведёт тяжбу по поводу концепта субъекта: критикует его, переделывает, переиначивает, пытается элиминировать, но никак не может обойти его стороной. Поэтому концепт субъекта оказывается одним из основных концептов в современной философии.

При таком описании, однако, остаётся не совсем понятным, почему философы не могли обойти стороной данную проблематику, в чём заключается проблема, что именно остаётся неясным в случае концепта субъекта? Отвечая на поставленный вопрос, отметим, что проблема, которую решали и решают большинство новейших философов, формулируется на первый взгляд достаточно просто — что такое субъект? Что делает субъекта субъектом, в чём заключается субъектность субъекта? Здесь важно подчеркнуть, что под субъектностью мы понимаем именно то, что делает субъекта субъектом. В этом смысле субъективность оказывается качеством, которое присуще данному конкретному субъекту, вместе с тем это качество необязательно делает из него субъекта.

В зависимости от решения поставленной проблемы философские концептуализации субъекта можно грубо разделить на три взаимозависимые позиции: классическое формирование концепта субъекта (начавшееся с Декарта и получившее своё завершение у Гегеля), неклассическую деконцептуализацию субъекта (проект неклассической философии, нацеленный на выявление скрытых объективных влияний, к которым сводится любая субъектность) и постнеклассическую реконцептуализацию (проект современной философии, направленный на выявление субъектности субъекта, несмотря на действующие на него объективные силы).

Необходимо сделать важную методологическую оговорку. Мы собираемся рассматривать проекты концептуализации

субъекта симметрично [Латур, 2006]. Это подразумевает использование одинакового типа описаний, языка и словаря терминов. Описание и выстраивание концепта субъекта должно быть безразличным к разным дихотомиям: субъект/объект, истина/ложь, природа/общество. Данный принцип был подчеркнут у Дэвида Блур, согласно которому «социология знания должна быть беспристрастной в отношении истины и лжи, рационального и иррационального, достижений и провалов. Обе стороны данных дихотомий будут требовать объяснения» [Блур, 2002]. Соответственно, рассмотрение разного рода проектов концептуализации субъекта предполагает исследование взаимосвязи между субъектом и объектом, при котором обе стороны этого отношения рассматриваются симметрично, то есть их должны объяснять одни и те же типы причин.

Следует также сделать ещё одну оговорку по поводу нашего понимания классической философии, указывающую на то, что «не всё, что идёт после Возрождения — классика, и не всё, что есть сегодня, является современным»². В этом смысле можно, например, утверждать, что по сей день классическая новейшая европейская концепция субъекта оказывается достаточно распространённой, например в юриспруденции [Декомб, 2011: 437–508] или политике [Латур, 2018].

Ставка проекта или что необходимо «сшить»

Вкратце очертив то, что из себя представляют три известные нам проекта (в самом широком смысле этого слова) концептуализации субъекта, мы сосредоточим наше внимание на последнем проекте, а именно на реконцептуализации субъекта. И несмотря на то, что мы в некотором роде отказываемся от исторического измерения концептуализаций субъекта, нельзя не отметить тот факт, что все эти три проекта исторически последовательно происте-

² Мамардашвили М., Соловьёв Э., Швырёв В. Классическая и современная буржуазная философия [Опыт эпистемологического сопоставления] // Философия философии. Тексты философии: учебник для ВУЗов. — Москва: Академический Проект, Фонд «Мир», 2012. — С. 151.

кают друг из друга. Грубо говоря, без первичного формирования концепта субъекта не было бы проекта деконцептуализации субъекта, а без проекта деконцептуализации субъекта — проекта реконцептуализации. Соответственно, чтобы выявить ставки проекта реконцептуализации субъекта и попытаться им следовать, необходимо прояснить, что именно нынешний проект концептуализации субъекта берёт от предыдущих, а что оказывается под вопросом и критикуется.

Итак, в своё время классическая новоевропейская философия открыла наиважнейший философский концепт — концепт субъекта, который представлял из себя цельное, монолитное и транспарентное образование. Она вложила новые смыслы в греческое *ὑποκείμενον* и латинское *subjectum*: в отличие от предыдущих употреблений этого термина, новоевропейский субъект становится действующим началом, способным воздействовать и подчинять своим целям и ценностям начало пассивное — объект.

Сравнивая подходы античности и Нового времени, Реми Браг, например, полагает, что вопрос о субъекте присутствует имплицитным образом в построениях Аристотеля, но место для ответа на него у греческого философа остаётся свободным [Brague, 1988]. То есть по сути дело не в том, что раньше подобного рода воззрения не возникали (например, материя как пассивное начало, а дух как начало действующее — характерная черта многих античных философских учений), а в том, что термин *subjectum* приобрел новое философское значение активно действующего и познающего актора лишь в Новое время.

Подобного рода представления о концепте субъекта подверглись критике со стороны последующих философов (и не

только философов), заметивших в целостном и транспарентном устройстве классического новоевропейского субъекта различные объективные влияния, которые не позволяют субъекту оставаться субъектом, а делают из него объект этих влияний. Эти самые влияния полностью формируют субъект, делая из него не активного деятеля³, действия которого направлены на познание пассивного объекта, а пассивного реципиента внешних воздействий.

Проекты деконцептуализации субъекта и реконцептуализации субъекта, в свою очередь, уже говорят о субъекте, наделённом определёнными человеческими характеристиками, будь то телесность⁴, бессознательное [Фрейд, 2020], память [Марион, 2019], представленность в пространстве [Бурдьё, 2005] и во времени [Фуко, 2018]. К тому же в современной ситуации рассмотрения проблемы субъекта предполагается, что не только лишь человек может быть субъектом и обладать его качествами. Предполагается, что субъектом может быть, например, партия [Жижек, 2014] или государство. Получается, что субъект лишается своих субъективно человеческих качеств.

В современной ситуации континентальной философии, когда действующим актором [Латур, 2015] может стать что угодно, начиная от стола и стула (интеробъективность) и заканчивая морскими гребешками [Каллон, 2015], тоже можно, с одной стороны, утверждать, что субъект рассматривается как лишённый субъективных человеческих качеств. С другой стороны, субъект не может и не должен быть монолитным и всегда одинаковым образованием — субъект меняется в зависимости, к примеру, от носителя или от ситуации. И если субъект собирается в человеческом теле, то его реализация, во-

³ «...вещи, которые мы созерцаем, и что отношения их сами по себе не таковы, как они нам являются, и если бы мы устранили наш субъект или же только субъективные свойства наших чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени и даже само пространство и время исчезли бы: как явления они могут существовать только в нас, а не сами по себе» [Кант, 1994: 79].

⁴ «Тем самым тело является именно пришествием сознания. Оно никоим образом не есть вещь. Не только потому, что в нём обитает душа, но и потому, что его бытие принадлежит к разряду событий, а не существительных. Оно не располагается, оно — позиция. Оно не помещается в заранее данном пространстве, а врывается в анонимное бытие самого факта локализации. Этого события не учитывают, когда настаивают на внутреннем опыте тела в плане синестезии — вне его внешнего опыта» [Левинас, 2000: 44].

первых, временна, а, во-вторых, подчинена определённым особенностям человеческого строения, что необходимым образом влияет на то, что получается в итоге.

Здесь мы явным образом выходим на вопрос о том, что же из себя представляет субъект в плоских онтологиях, где предполагается, что не существует⁵ отдельной, собирающей всё на себя, сущности. Такой сущностью как раз и может выступать субъект (вопрос о том, насколько удачно данный подход справляется с заявленными им же самим проблемами, мы в данной статье рассматривать не будем). В плоских онтологиях понимание субъекта очевидным образом вступает в противоречие с классическим, которое подразумевает, что субъект может стать объектом для самого себя («я мыслю, следовательно, существую»). При таком понимании субъекта, которое может предполагаться при данном рассмотрении, нас интересует другой важный момент — субъект может быть не-человеком, что позволяет нам говорить о том, что дихотомия субъекта и объекта необходимым образом должна сняться в проекте реконцептуализации субъекта — субъект больше не противостоит объекту как активное начало пассивному. Объект может быть сам активным, как и субъект — пассивным. Получается, что в случае проекта реконцептуализации субъекта субъект и объект оказываются словами без надлежащего референта, который бы стоял за ними и предопределял их использование. Эти термины оказываются словами-гибридами, которые используются для упрощения ситуации говорения о некотором положении вещей. Но за самими этими терминами стоят комплексы разнообразных, иногда не связанных между собой, но, несмотря на это, имеющих ситуативную связь практик, ситуаций, мнений, тел, высказываний, событий и т.д. Субъект в этом смысле оказывается невероятно разнообразным комплексом всего: он

выступает и как объект, когда это «всё» в него входит, и как субъект, когда он начинает это «всё» реализовывать, потому что на выходе получается нечто иное, чем то, что было на входе. Здесь нельзя не вспомнить метафору «чёрного ящика» [Латур, 2013], используемую Латуром для исследования науки. Субъект также оказывается чёрным ящиком, наша же задача состоит в том, чтобы попробовать разобрать этот чёрный ящик и показать по крайней мере некоторые из находившихся в нём фрагментов.

Согласно данному выше определению, субъект является субъектом тогда, когда может стать объектом для самого себя. Но, учитывая критику проекта деконцептуализации субъекта, концепт субъекта оказывается не до конца объектом для самого себя — его (с точки зрения классической философской концепции субъекта) чистому и незамутнённому взгляду мешают различные объективные силы — детерминированность сознания субъекта бессознательным, языком, социально-экономическими отношениями, социокультурным контекстом в целом. Концепт современного субъекта оказывается непрозрачным для самого себя, несмотря на тот факт, что объектом самого себя он сделать может. Тем не менее, не совсем ясно, как объект самого себя может сделать объектом, например, стул или стол — то есть то, что в объектно-ориентированной онтологии называется не-человеками.

Исходя из этого, можно говорить, что предположение о субъекте как о цельном и транспарентном образовании, которое выдвигал проект классического субъекта, ныне оказывается под большим вопросом. Поэтому, чтобы говорить о субъекте в нынешней ситуации, оказывается необходимым показать, что субъект разрознён и не всегда представляет из себя некое цельное образование. И уж тем более для современной концептуализации субъекта ока-

⁵ «Остаётся только последний, четвёртый ответ. Сегодня он известен в первую очередь под именем объектно-ориентированной онтологии... в его рамках 1) нет никакого верхнего предела, то есть нет никакого суперобъекта, который возвышается надо всем, всё объемлет, тем самым лишая другой объект его автономии...» [Ветушинский, 2018: 116].

зывается невозможным транспарентность субъекта самому себе⁶.

Первое положение, которое важно сохранить при современной концептуализации субъекта, состоит в том, что субъект оказывается расколот, асубстенциален: «...Субъекта, который больше не является субъектом фундаментальным, центрированным и рефлексивным, каковым он являлся от Декарта до Гегеля, и оставался ещё чётким вплоть до Маркса с Фрейдом (и Гуссерля с Сартром). Современный Субъект пуст, расколот, не-субстанциален, нерефлексивен. Кроме того, он предполагается только в отношении частных процессов со строгими условиями» [Badiou, 1988: 9]. Несмотря на все эти обстоятельства, субъект сохраняется, он остаётся субъектом, но уже не тем классическим субъектом, который предполагался европейской философией Нового времени. Нынешняя концепция субъекта меняется.

Здесь мы подходим ко второму положению, которое необходимо учесть при работе над современной концептуализацией субъекта. Как мы уже отмечали, проект деконцептуализации субъекта объективировал последнего, находя определённые объективные влияния, делающие из субъекта объект действия внешних сил. Приведём простой пример: Дюркгейм [Дюркгейм, 1994], исследуя причины и мотивы самоубийства, основной причиной самоубийства называет не психологические особенности данного конкретного индивида, а социальные причины, вызванные действием и давлением общества, рассматриваемого как «высшая духовная реальность» [Дюркгейм, 1994: 8].

Проект реконцептуализации субъекта предполагает удерживание этой двойственной позиции: мы признаем определённое, а иногда и решающее, влияние на субъекта внешних по отношению к нему факторов, будь то общество, экономические отношения, язык и т.д. Тем не менее, несмотря на все эти объективирующие

факторы и влияния, субъект остаётся субъектом (принципиально не сводимым к объекту). К тому же, можно утверждать, что именно эти объективирующие факторы и служат необходимым условием формирования субъекта.

Таким образом, ставкой проекта реконцептуализации субъекта оказывается следующие две позиции, которые нам необходимо будет соединить вместе:

1) Субъект оказывается асубстенциален и нетранспарентен; разъединён, историчен и временен;

2) Субъект оказывается эффектом внешних объективных влияний, но полностью к ним не сводится. Более того, современная концепция субъекта выстраивается таким образом, что субъект никогда не есть уже субъект, а предполагает всегда будущего субъекта, способного свободно выбирать свою субъектность из множества противоречивых вариантов. Перефразируя слова Резы Негарестани можно сказать: проект реконцептуализации субъекта «безжалостно пересматривает, что значит быть человеком (в нашем случае — субъектом — примечание Р.К.), устраняя его предположительно самоочевидные характеристики и сохраняя надежные инварианты... это требование конструирования: он требует, чтобы мы определили, что значит быть человеком (субъектом — примечание Р.К.), рассматривая его как конструируемую и плодотворную гипотезу, как пространство для навигации и вмешательства» [Негарестани, 2021: 2].

Так что это за пространство, и как мы можем в него вмешаться?

Производство условий производства

Согласно Марксу, для продолжения жизни любой общественно-экономической формации нужно производить и воспроизводить условия производства [Маркс, 1964: 460]. И сами эти условия производства можно понимать в расширенном формате как производство мышления, идентичности,

⁶ В данном случае мы следуем за Фрейдом и психоанализом, предполагающим существование бессознательного. Бессознательное не поддаётся контролю субъекта, тем не менее, оно возникает под внешним влиянием (например, языка) [Лакан, 1997: 54–87].

деятельности и в этом смысле субъектно-сти каждого индивида. И как показывают, например, Бурдьё [Бурдьё, 1999] и Альтюссер [Альтюссер, 2011], школа является одной из базовых институций, формирующих категории мышления государства у своих подопечных. «Пытаться осмыслить, что есть государство, значит пытаться со своей стороны думать за государство, применяя к нему мыслительные категории, произведенные и гарантированные государством, а следовательно, не признавая самую фундаментальную истину государства» [Бурдьё, 1999: 127], — пишет Бурдьё, акцентируя внимание на том факте, что любое описание государства оказывается, по сути, самописанием, потому что те инструменты концептуализации, с помощью которых мы можем что бы то ни было высказывать о государстве, уже всегда с необходимостью государством авторизованы — через школы, университеты, СМИ и т.д. В этом смысле субъект оказывается интерпеллированным [Альтюссер, 2011] внешним воздействием. Но весь парадокс данной ситуации состоит в том, что мы привыкли думать о власти как о чём-то внешнем нам, как о том, чему, при должном желании, мы можем сопротивляться. В данном же случае оказывается, что власть может и должна пониматься как формирующая субъект, как нечто внешнее, что оказывается наиболее внутренним. Более того, на первый взгляд внешняя власть формирует и формулирует траекторию желания субъекта, производя его своим воздействием.

Получается, что власть оказывается не просто тем, чему мы противостояем (как субъект объекту в классическом их понимании, когда субъект спокойно мог отказать своим активным, свободным и волевым решением от действия объекта), а тем, от чего мы практически полностью зависим в нашем существовании. Этот внешний относительно нас объект мы из-

начально не выбираем — он оказывается первичным⁷ по отношению к последующей деятельности субъекта.

Это означает одновременное становление субъектом, то есть приобретение субъектности субъектом, и становление субординированным, подчинённым по отношению к власти. Причём в данном случае власть понимается фукольдиански как результат непрерывного действия разнообразных и разнонаправленных практик организации телесности каждого отдельного и конкретного индивида с целью его нормализации и увеличения полезности каждого индивида⁸ (см., например, главу «Послушные тела», где рассматриваются действия власти, позволяющие увеличить эффективность каждого конкретного тела [Фуко, 2018:165–208]), и одновременно как производительная способность дискурса. По существу, идентификация субъекта происходит на всех возможных уровнях: телесном, языковом, воображаемом. И происходит она с помощью навязанных категорий, о которых мы, в свою очередь, и думаем, как об этой идентификации, то есть «...об одном из важнейших видов власти государства — власти производить и навязывать (в частности, через школу) категории мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству» [Бурдьё, 1999: 128]. Соответственно, можно утверждать, что через определённые и эмпирически выявляемые механизмы властных практик и работы с субъектом внутреннее субъекта как субъекта, то есть его психика, оказывается формируемым и, в некотором роде, детерминированным властными дискурсами и практиками, властным голосом и зовом. Показательным является пример, который приводит Альтюссер [Альтюссер, 2011]. Прохожего окликает полицейский, а тот, оборачиваясь, перформативным образом учреждает себя как субъекта власти, как того, кого окликнули. В этом примере

⁷ В данном случае мы имеем в виду первичным по отношению к нашей активной деятельности в плане категоризации окружающей нас действительности в терминах, любезно предоставленных нам государством.

⁸ Следует отметить расширение анализа властных дискурсивных практик Агамбеном, тематизирующим концепт «голой жизни», производство которого является, по мнению Агамбена, основной целью власти [Агамбен, 2011].

видно, что язык как эффект властного голоса может интерпеллировать индивида, производя его субъектность.

Но к кому обращается этот властный голос? На кого именно направлены практики субъективации и субординации? Из чего в конечном итоге получается субъект? Мы говорим о том, что сам этот властный голос обращается к уже субъекту. Тем не менее, пока субъект не признаёт властного воздействия, он не является субъектом. Все те властные дискурсы и практики направлены на субъекта, который предположительно уже существует и который предположительно умеет ими пользоваться — откликаться на зов полицейского: «гражданин» или «гражданка». К кому адресуются в данном случае властные эффекты? Существует ли субъект до интерпелляции? И если его нет, на что нацелено властное обращение?

Субъект как разрыв/отсутствие

Нам предстоит выяснить, откуда берётся субъект, и ответить на один простой вопрос: на что направлены властные эффекты, о которых мы говорили в предыдущем параграфе. Парадокс заключается в следующем: нам нужно удержать два противоречащих друг другу тезиса вместе. Более того, сами тезисы в своей структуре оказываются парадоксальными и противоречивыми, призывающими нас помыслить нечто несколько иначе, чем оно принято.

Первый заключается в следующем: несмотря на объективную детерминацию субъекта объектом (в данном случае мы говорили о властных эффектах, которые реализуются в языке и практиках), субъект сохраняет свою субъектность и не сводится к объекту, который его детерминирует. В нашем случае — несмотря на действие властных эффектов, полностью субординированным властью субъект не оказывается. Всегда возникает некоторый излишек, который не позволяет полностью сводить субъекта к объективирующим его эффектам. И именно в силу возникновения этого пресловутого излишка мы не можем говорить о том, что данная концепция субъекта оказывается похожей на классическую концепцию субъекта, предполагав-

шего субъекта данного, самореферентного и транспарентного. Попросту говоря, цельного.

Второй тезис — властные практики интерпелляции субъекта всегда обращаются к уже готовому образованию, всегда к целостному и самореферентному субъекту: «суть в том, что субъект никогда и не оказывается в ситуации выбора: с ним всегда обращаются так, словно он уже сделал выбор» [Жижек, 2014: 169]. Но (и в этом и заключается весь парадокс), обращаясь к субъекту как к субъекту, они поддерживают и сами же и формируют адресанта, то есть субъекта. Дж. Батлер пишет по этому поводу: «власть есть не просто то, чему мы противопоставим, но также в конечном итоге то, от чего мы зависим в самом нашем существовании, и то, что мы скрываем и сохраняем в своем бытии. Обычная модель понимания этого процесса такова, власть внедряет себя в нас, и, ослабленные её силой, мы интернализуем или принимаем её термины. Что не учитывается в таком подходе, однако, — что сами “мы”, принимающие эти термины, фундаментально зависимы от них в “нашем” существовании. Не существует дискурсивных терминов для артикуляции никакого “мы”. Субъекция состоит как раз в этой фундаментальной зависимости от дискурса, который мы никогда не выбираем, но который парадоксальным образом даёт начало нашей деятельности и поддерживает её» [Батлер, 2002: 16]. Без этой объективной и объективирующей деятельности не существовало бы субъекта, то есть деятельность по объективации необходимым образом порождает некоторый остаток — субъекта.

Именно таким образом нам представляется выход из первого парадокса. То описание, которое предложил проект деконцептуализации субъекта, оказывается справедливым, но это описание не является полным — субъект сохраняется несмотря на объективирующие его силы. Более того, субъект оказывается зависим в своём существовании от этих сил — именно они порождают его субъектность. Описание второго парадокса позволяет нам решить первый, но из первого мы не можем решить второй. Следовательно, нужно

предположить другое решение, которое бы предполагало сохранение субъекта и, одновременно с этим, учёт критики проекта деконцептуализации субъекта и некоторый отход от классической концепции субъекта, предложенной философами в Новое время.

Получается, субъект появляется только с момента его властной интерпелляции, которая обращается к ещё не сформированному субъекту как к субъекту целостному и сформированному⁹. Из этого может следовать лишь один вывод: интерпелляция адресуется к пустоте, к отсутствующему субъекту. Таким образом, субъект не всегда является субъектом — он отсутствует, в нём нет центрального управления или стержня, вокруг которого бы собирались все необходимые компоненты — сам процесс встраивания в это отсутствие компонентов и есть процесс формирования субъекта. Субъекта, который, например, в пределе может заявить: «я мыслю, следовательно, я существую». В этом смысле идентификация субъекта как субъекта, то есть его саморефлексия¹⁰, оказывается возможной не благодаря некоторому центру, который собирает всё на себя, а как раз благодаря процессу сборки.

Такой подход проясняет, почему Жижек озаглавил одну из своих главных книг, посвящённых проблеме субъекта, так: «Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии». Получается, что субъект оказывается, если продолжить аналогию Жижека, отсутствующим центром некоего «X». И работа с этим пресловутым отсутствующим центром картезианского *cogito* является целью жижековского подхода, выявляющего изнанку, оборотную сторону классического субъекта: «Суть, конечно, не в возвращении *cogito* в том виде, в каком это понятие преобладало в современной мысли (самопрозрачный мыслящий субъект), а в выявлении его забытой изнанки, избыточного, непризнан-

ного ядра *cogito*, которое далеко от умиротворяющего образа прозрачной самости» [Жижек, 2014: 24]. Нам же, в свою очередь, представляется, что радикальность тезиса Жижека и защита картезианского субъекта оказываются неполными. Он не учитывает критики, развёрнутой проектом деконцептуализации субъекта, которая призывает вообще не признавать наличия в субъекте некоторого центра, но ищет объективные силы, полностью центрирующие и заменяющие субъекта самими собой.

Таким образом, когда словенский философ говорит о центре в субъекте, хотя и как об отсутствующем, он всё-таки предполагает какую-то инстанцию, какое-то образование в субъекте, которое, если выражаться словами переводившего М. Хайдеггера В.В. Библихина, «присутствует своим отсутствием» в субъекте. Собственно говоря, именно эта инстанция, как нам видится, и должна собирать все возможные влияния на себя. Несмотря на это, наш тезис заключается в том, что этой инстанции, этого центра, пусть и отсутствующего, не существует. Субъект может оказаться и собранным, и разобраным, и собранным не так, как в предыдущий или в последующие разы. И, что самое важное, собирается он непонятно где (по крайней мере, никто не может указать на конкретное место сборки субъекта и его центрирования) и непонятно как.

Соответственно, можно утверждать, что субъект — неожиданный разрыв: разрыв порядка сборки, разрыв порядка действия, разрыв порядков власти. Или же, как утверждает А. Бадью, разрыв порядка Бытия через Событие. В данном случае мы не будем углубляться в концепцию Бытия и События Бадью, нас будет интересовать в данном случае момент лишь момент сходства между позициями А. Бадью [Badiou, 1988] и С. Жижека [Жижек, 2014]. Оба философа утверждают (и в этом смысле они, безусловно, являются правоверными

⁹ Да и, по всей видимости, у нас отсутствуют необходимые средства, чтобы схватить субъект до процедуры субъекции. Дело в том, что мы уже используем для концептуализации доконцептуальные концептуальные средства, которые автоматически концептуализируют объект говорения или описания в силу того, что они концептуальные.

¹⁰ Возвращаясь к выше данному определению: субъект — тот, кто может сделать объектом самого себя.

лаканианцами), что субъект оказывается эффектом разрыва. Субъект, грубо говоря, этим разрывом и формируется: «разрыв для Жижека и Бадью делает жизнь достойной, чтобы её прожить; жизнь без насильственного разрыва бессмысленна... Реальное Событие или Акт не может сводиться к конструкциям ситуации несмотря на то, что могут говорить философы языка» [McGowan, 2010].

Наконец, нам нужно соединить два тезиса: субъект должен оставаться субъектом; тем не менее, он не может всегда сохранять целостность. Получается, что субъект оказывается целостным именно в момент разрыва, когда он может выполнять некоторое действие самостоятельно. В остальные же моменты он является субъектом разобранным, действующим независимо от своей субъектности, которую приобретает неожиданным для него самого образом.

Выводы

Подведем краткие итоги нашего изложения.

Целью нашего исследования являлось показать актуальность концепта субъекта для современной ситуации в философии. Несмотря на этот факт, с концептом субъекта остаётся ещё очень много нерешённых проблем. И главной проблемой является следующая: что такое субъект современной философии? Нами был предложен следующий вариант реконцептуализации субъекта. Проект реконцептуализации субъекта предполагает сохранение классического концепта субъекта (с оговорками, восходящими к позиции С. Жижека, утверждавшего необходимость «выявления изнанки картезианского *cogito*») с учётом критики проекта деконцептуализации субъекта, заменяющего субъектность субъекта неким внешним по отношению к субъекту объектом. Путём рассмотрения концепции становления субъекта субъектом, мы пришли к выводу, что субъект представляет из себя разрыв, формирующийся в пустоте. Статус этой пустоты оказывается не прояснённым, в отличие, например, от разрыва, о котором говорят С. Жижек и А. Бадью.

Список литературы:

- Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — Москва: Европа, 2011. — 250 с.
- Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2011. — № 3. — С. 14-58.
- Батлер Д. Психика власти: теория субъекции. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. — 158 с.
- Блур Д. Сильная программа в социологии знания (науч.ред. пер.с англ яз.) // Логос. — 2002. — № 5-6. — С. 162-185.
- Бурдьё, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук S/Л'98. — Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 1999. — С. 127-163.
- Бурдьё П. Социология социального пространства. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. — 288 с.
- Ветушинский А. Во имя материи. Критические и метафизические исследования. — Пермь: Гиле Пресс, 2018. — 158 с.
- Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. — Москва: Новое литературное обозрение, 2011. — 558 с.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социол. этюд. — Москва: Мысль, 1994. — 399 с.
- Жижек С. Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии. — Москва: Дело, 2014. — 526 с.
- Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё // Социология власти. — 2015. — Т. 27, № 1. — С. 196-231.
- Кант И. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. — Москва: Чоро, 1994. — 740 с.

Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. — Москва: Русское феноменологическое общество, 1997. — 183 с.

Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. — Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2006. — 240 с.

Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. — Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 413 с.

Латур Б. Пастер: война и мир микробов с приложением «Несводимого». — Санкт-Петербург: Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 314 с.

Латур Б. Политики природы: как привить наукам демократию. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 335 с.

Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. — 415 с.

Марион Ж.-Л. Эго, или наделённый собой. — Москва: РИПОЛ Классик, 2019. — 159 с.

Маркс К. Письмо к Людвигу Кугельману в Ганновер. 11 июля 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32. — Москва: Издательство политической литературы, 1964. — С. 482–485.

Негарестани, Р. Работа нечеловеческого // Логос. — 2021. — Т. 31, № 3. — С. 1–38. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-3-1-36>

Фрейд З. Толкование сновидений. — Санкт-Петербург: Лениздат, 2020. — 638 с.

Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. — Санкт-Петербург: Наука, 2007. — 676 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 383 с.

Badiou A. L'être et évènement. — Paris: Éditions du Seuil, 1988. — 576 p.

Brague R. Aristote et la question du monde: essai sur le contexte cosmologique et anthropologique de l'ontologie. — Paris: Presses universitaires de France, 1988. — 560 p.

McGowan T. Subject of the event, subject of the act: The difference between Badiou's and Žižek's systems of philosophy // Subjectivity. — 2010. — Vol. 3, № 1. — P. 7–30. <https://doi.org/10.1057/sub.2009.31>

Puumeister O. Biopolitical subjectification // Sign Systems Studies. — 2019. — Vol. 47, № 1/2. — Pp. 105–125. <https://doi.org/10.12697/SSS.2019.47.1-2.04>

Subjectivity Is No Object: Can Subject-Object Dualism Be Reconciled Through Phenomenology? / Robbins B.D., Johnson C.V., Franco Z., Friedman H.L. // International Journal of Transpersonal Studies. — 2018. — Vol. 37, № 2. — Pp. 144–166. <https://doi.org/10.24972/ijts.2018.37.2.144>

References:

Agamben, G. (1995) *Homo sacer. Il potere sovrano e la nuda vita*. Torino: Einaudi. (Russ.ed.: (2011) *Homo sacer. Suverennaia vlast' i golaia zhizn'*. Moscow: Evropa Publ.).

Althusser, L. (2011) 'Ideology and Ideological Apparatuses of the State (Notes for Research)', *Neprikosnovennyj zapas*, (3), pp. 14–58. (In Russian).

Badiou, A. (1988) *L'etre et l'evenement*. Paris: Editions du Seuil.

Bloor, D. (1991) 'The Strong Programme in the Sociology of Knowledge', in *Knowledge and Social Imagery*. Chicago ; London: The University of Chicago Press, pp. 3–23. (Russ.ed.: (2002) 'Sil'naia programma v sotsiologii znaniia', *Logos*, (5–6), pp. 162–185.).

Bourdieu, P. (1993) 'Esprits d'Etat', *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*, (96–97), pp. 49–62. <https://doi.org/10.3406/ARSS.1993.3040> (Russ.ed.: (1999) 'Dukh gosudarstva: genezis i struktura biurokraticheskogo polia', in *Poetika i politika: Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologicheskikh issledovaniï Instituta sotsiologii Rossiiskoi Akademii nauk S/L'98*. Saint Petersburg: Aleteia Publ., pp. 127–163.).

Bourdieu, P. (2005) *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]*. Saint Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian).

Brague, R. (1988) *Aristote et la question du monde: essai sur le contexte cosmologique et anthropologique de l'ontologie*. Paris: Presses universitaires de France.

- Butler, J. (1977) *The psychic life of power: theories in subjection*. Stanford: Stanford Univ. (Russ.ed.: (2002) *Psikhika vlasti: teoriia sub"ektsii*. Saint Petersburg: Aleteiia Publ.).
- Callon, M. (2015) 'Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay', *Sociology of power*, 27(1), pp. 196–231. (In Russian).
- Descombes, V. (2004) *Le complément de sujet: enquête sur le fait d'agir de soi-même*. Paris: Gallimard. (Russ.ed.: (2011) *Dopolnenie k sub"ektu: issledovanie fenomena deistviia ot sobstvennogo litsa*. Moscow: No-voe Literaturnoe Obozrenie Publ.).
- Durkheim, E. (1897) *Le suicide: étude de sociologie*. Paris: Alcan. (Russ.ed.: (1994) *Samoubiistvo: Sotsiol. etiud*. Moscow: Mysl' Publ.).
- Foucault, M. (1975) *Surveiller et punir. Naissance de la prison*. Paris: Gallimard. (Russ.ed.: (2001) *L'herméneutique du sujet: cours au Collège de France, 1981-1982*. Paris: Gallimard.).
- Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub"ekta: kurs lektzii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1981-1982 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka Publ. (Russ.ed.: (2019) *Nadzirat' i nakazyvat' : rozdenie tjurmy*. Moscow: Ad Marginem Press.).
- Freud, S. (1899) *Die Traumdeutung*. Leipzig: F. Deuticke. (Russ.ed.: (2020) *Tolkovanie snovidenii*. Saint Petersburg: Lenizdat Publ.).
- Kant, I. (1781) *Critik der reinen Vernunft*. Riga: Verlegts Johann Friedrich Hartknoch. (Russ.ed.: (1994) *Sobranie sochinenii v 8 t. T. 3. Kritika chistogo razuma*. Moscow: Choro Publ.).
- Lacan, J. (1957) 'L'instance de la lettre dans l'inconscient ou La raison depuis Freud : 9 mai 1957', in *Paru dans La Psychanalyse, vol. 3*. Paris: Presses universitaires de France, pp. 47–81. (Russ.ed.: (1997) *Instantsiia bukvy v bessoznatel'nom ili sud'ba razuma posle Freida*. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ.).
- Latour, B. (1987) *Science in action : how to follow scientists and engineers through society*. Milton Keynes: Open University Press. (Russ.ed.: (2013) *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ.).
- Latour, B. (1991) *Nous n'avons jamais été modernes Essai d'anthropologie symétrique*. Paris: Editions La Découverte. (Russ.ed.: (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ.).
- Latour, B. (2001) *Pasteur: guerre et paix des microbes; suivi de Irréductions*. Paris: La Découverte. (Russ.ed.: (2015) *Paster: voina i mir mikrobov s prilozheniem 'Nesvodimogo'*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ.).
- Latour, B. (2016) *Politiques de la nature*. Paris: La Découverte. (Russ.ed.: (2018) *Politiki prirody: kak privit' naukam demokratiiu*. Moscow: Ad Marginem Press.).
- Levinas, E. (1961) *Totalité et Infini: essai sur l'extériorité*. La Haye: Martinus Nijhoff. (Russ.ed.: (2000) *Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.).
- Marion, J.-L. (2008) 'L'ego ou l'adonné', in *Au lieu de soi: L'approche de Saint Augustin*. Paris: Presses Universitaires de France, pp. 89–148. (Russ.ed.: (2019) *Ego, ili nadelennyi soboi*. Moscow: Ripol klassik Publ.).
- Marx, K. (1902) 'Briefe von Karl Marx an Dr. L. Kugelmann: 11.07.1868', *Die neue Zeit : Wochenschrift der deutschen Sozialdemokratie*, 20.2(7), pp. 221–223. (Russ.ed.: (1964) 'Pis'mo k Liudvigu Kugel'manu v Gannover. 11 iulija 1868 g.', in *Marx K., Engels F. Sochineniia*. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury Publ., pp. 482–485.).
- McGowan, T. (2010) 'Subject of the event, subject of the act: The difference between Badiou's and Žižek's systems of philosophy', *Subjectivity*, 3(1), pp. 7–30. <https://doi.org/10.1057/sub.2009.31>
- Negarestani, R. (2021) 'The Labor of the Inhuman', *Philosophical Literary Journal Logos*, 31(3), pp. 1–38. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-3-1-36>
- Puumeister, O. (2019) 'Biopolitical subjectification', *Sign Systems Studies*, 47(1/2), pp. 105–125. <https://doi.org/10.12697/SSS.2019.47.1-2.04>
- Robbins, B. D. et al. (2018) 'Subjectivity Is No Object: Can Subject-Object Dualism Be Reconciled Through Phenomenology?', *International Journal of Transpersonal Studies*, 37(2), pp. 144–166. <https://doi.org/10.24972/ijts.2018.37.2.144>
- Vetushinskiy, A. (2018) *Vo imia materii. Kriticheskie i metafizicheskie issledovaniia [In the Name of Matter: Critical and Metaphysical Studies]*. Perm: HylePress. (In Russian).

Žižek, S. (2000) *The ticklish subject: the absent centre of political ontology*. London: Verso. (Russ.ed.: (2014) *Shchekotlivyi sub"ekt. Otsutstvuiushchii tsestr politicheskoi ontologii*. Moscow: Delo Publ.).

Информация об авторе

Родион Рафаэлевич Карнеев — аспирант кафедры онтологии и теории познания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119192, Москва, пр. Ломоносовский, 27, к. 4.; ассистент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, 129226, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Rodion R. Karneev — PhD student, Department of Ontology and Epistemology, Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, Russia, 119192; Assistant, Universitywide Department of Philosophy and Social Sciences Moscow City University, 4 Vtoroy Selskhozajstvenny proezd, Moscow, Russia, 129226 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 1.11.2021; одобрена после рецензирования 30.12.2021; принята к публикации 11.02.2022.

The article was submitted 1.11.2021; approved after reviewing 30.12.2021; accepted for publication 11.02.2022.